

⁴ См.: *Фихте И.Г.* Замкнутое торговое государство. Философский проект, служащий дополнением к науке о праве и попыткой построения грядущей политики. М., 2010.

⁵ *Лист Ф.* Национальная система политической экономики. М., 2005. С. 255—256.

⁶ *Булдаков В.П.* Революция и самооболение прогрессом // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность. Т. 1. М., 2017. С. 7—22.

⁷ См.: *Илизаров Б.С.* Сталин, Иван Грозный и другие. М., 2019.

⁸ *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. СПб., 2009. С. 177.

⁹ *Булдаков В.П.* Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоём? // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 15—26.

¹⁰ *Королёв С.А.* Псевдоморфоза как тип

развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72—85.

¹¹ *Булдаков В.П.* Вторжение марксизма в Россию: акт первый // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения. М., 2009. С. 182—200; *Булдаков В.П.* Русская революция: утопия, память, наука // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2017. № 1. С. 61—76.

¹² *Pipes R. Struve: liberal on the left.* Cambridge (MA); L., 1970; *Pipes R. Struve: liberal on the right.* Cambridge (MA); L., 1980.

¹³ *Колеров М.* Предисловие // *Струве П.Б.* Избранные сочинения. М., 1999. С. 3—5.

¹⁴ *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. М., 2015. С. 60.

Владислав Голдин

История ГУПВИ на Европейском Севере СССР*

Vladislav Goldin

(Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

History of GUPVI in the European North of the USSR

DOI: 10.31857/S086956870005110-2

В серии «История сталинизма» вышла в свет книга вологодского историка, доктора исторических наук А.Л. Кузьминых, известного в нашей стране и за рубежом исследователя системы военного плена и интернирования в СССР в годы Второй мировой войны¹.

В тот период в стране было свыше 5 млн военнопленных и интернированных (более 60 национальностей)². Эти иностранные граждане находились в ведении Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД—МВД СССР. Термины «ГУПВИ» и «архипелаг ГУПВИ» пока ещё не получили столь широкую известность и распространение в исторической науке, как например, понятие «архипелаг ГУЛАГ». Сложившаяся в досоветский период традиция ис-

пользования Севера как места каторги и ссылки получила новое развитие в условиях Советской России/СССР. Истории ГУЛАГа в этом регионе посвящено немало исследований³, чего нельзя сказать об архипелаге ГУПВИ. Поэтому актуальным является изучение темы, посвящённой иностранным военнопленным на Европейском Севере СССР (в Архангельской и Вологодской областях), где в рассматриваемый период находились 16 лагерей и 10 спецгоспиталей.

Автор определяет цель написания монографии как воссоздание полномасштабной истории пребывания на советском Европейском Севере иностранных военнопленных в годы Второй мировой войны. При этом Кузьминых обращается не только к общесоюзным архивным материалам (как

* *Кузьминых А.Л.* Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939—1949 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 591 с.

это было в его ранее вышедших работах), но и к региональным. С одной стороны, указывает автор, без их осмысления не может быть воссоздана объективная история военного плена в СССР, с другой — невозможно всесторонне представить военное и послевоенное прошлое его отдельных областей, краёв и республик, не описав периода пребывания там значительного контингента бывших военнопленных неприятельских армий.

В основе монографии — документы десяти центральных и местных архивов, опубликованные материалы, в том числе личного происхождения (письма, воспоминания бывших военнопленных и сотрудников лагерей), и периодическая печать. Хронологически исследование завершается не 1956 г. (прекращение существования системы ГУПВИ), а октябрём 1949 г., когда был расформирован последний находившийся на Севере лагерь для военнопленных.

Во введении дана обстоятельная характеристика отечественной и зарубежной историографии темы. Примечательно, что на поприще её изучения автор отдаёт должное землякам — профессору Вологодского пединститута А.С. Бланку (в прошлом сотруднику одного из лагерей для военнопленных) и своему учителю, профессору В.Б. Конасову (с. 29—32). Первая глава посвящена теоретическим и практическим аспектам правового регулирования системы военного плена, длительной и сложной эволюции советского законодательства в этой сфере. Это очень важно, считает автор, так как лагеря советского Европейского Севера были и местом апробации первых нормативных правовых документов, регулировавших в стране порядок содержания военнопленных.

Во второй главе представлена система военного плена в регионе. Кузьминых указывает, что военнопленные выслались на Север ещё со времён

Северной войны (1700—1721). Структура главы построена по проблемно-хронологическому принципу. Первый её параграф посвящён начальному периоду Второй мировой войны — до 22 июня 1941 г. Тогда на Севере были созданы четыре лагеря, через которые прошли 16 тыс. польских и финских военнопленных.

Во втором параграфе показана эволюция региональной системы военного плена в годы Великой Отечественной войны в составе фронтового приёмно-пересыльного лагеря, 7 стационарных лагерей, 45 лагерных отделений и пунктов, а также 5 спецгоспиталей, общей ёмкостью 65 тыс. мест (около 50 тыс. пленных 30 национальностей). Подчёркивается, что под Грязовцем находился один из четырёх офицерских лагерей (№ 150), сыгравший важнейшую роль в формировании польской армии в СССР, а с 1943 г. ставший местом сосредоточения офицеров вермахта (с. 85, 105, 125). Указывается также, что крупнейшим лагерем-распределителем на северо-западе России был Череповецкий лагерь № 158, раскинувший сеть из 20 приёмных пунктов и лагерных отделений, находившихся на территории пяти областей и в Карелии. В июне 1945 г. здесь содержались свыше 19 тыс. военнопленных и интернированных (для сравнения: численность населения Череповца в те годы составляла около 40 тыс. человек) (с. 105—106).

Третий параграф — о послевоенном периоде, когда система ГУПВИ достигла своего апогея, а на Европейском Севере существовали два областных отдела по делам военнопленных и семь стационарных лагерей с 38 отделениями, наполнение которых составляло в январе 1946 г. 52,6 тыс. мест, и их обслуживали пять спецгоспиталей (с. 124). В последующие годы происходил постепенный демонтаж этой системы.

Характеризуя её региональные особенности, автор указывает на создание лагерей военнопленных в системе ГУЛАГа: 6 из 16 располагались при исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). Он объясняет это значительной убылью в годы войны заключённых и стремлением НКВД восполнить нехватку рабочей силы за счёт военнопленных. Кроме того, посредством размещения их при учреждениях ГУЛАГа планировалось сократить расходы на охрану контингента и обустройство лагерной инфраструктуры. В результате военнопленных выделили в лагерные отделения, изолировав от остальных заключённых.

Другой отличительной особенностью ГУПВИ на Севере являлось наличие двух офицерских и двух режимных лагерей, а также двух спецлагерей для бывших военнослужащих РККА, вышедших из неприятельского плена и окружения. Как правило, лагеря создавались в крупных экономических и транспортных центрах Севера. То, что в отдалённых и малообжитых периферийных районах редко размещали военнопленных (в отличие от заключённых и спецпоселенцев), Кузьминых объясняет трудностью их материального обеспечения и охраны.

Третья глава начинается с характеристики климатического фактора и географических особенностей региона. Без учёта суровых северных условий невозможно оценить положение и особенности жизнеобеспечения военнопленных. Во втором параграфе, посвящённом организации лагерного быта, режима и охраны этих людей, автор подробно описывает испытываемые ими трудности (в том числе связанные с продовольственным и вещевым снабжением). Он сравнивает их с неизмеримо более тяжёлым положением советских военнопленных в Германии и заключённых ГУЛАГа, где была массовая смертность. Так-

же Кузьминых констатирует, что в годы войны пленные офицеры и генералы питались гораздо лучше, чем подавляющее большинство советских граждан, находившихся на голодном пайке. Здесь же рассказано об использовании труда военнопленных и их вкладе в развитие хозяйства региона. С экономической точки зрения, делает вывод автор, деятельность таких лагерей являлась убыточной для государства, однако труд военнопленных был востребован на крупнейших стройках Севера, а лагеря ГУПВИ хорошо вписывались в региональную стратегию сталинского хозяйствования. Например, в целлюлозно-бумажной промышленности края доля таких рабочих доходила до 30%. По оценке Кузьминых, более 300 жилых и гражданских объектов было построено силами военнопленных (с. 439). Низкая же производительность труда компенсировалась возможностью их быстрой переброски на любые расстояния и куда угодно. Работая более результативно, эти люди частично возмещали расходы государства на их содержание и потому могли рассчитывать на улучшение своего материального положения.

В следующем параграфе описывается медико-санитарное обслуживание военнопленных. Кузьминых отмечает, что из умерших в советском плену 580 тыс. военнопленных 8,7 тыс. (1,5%) ушли из жизни на территории Севера, доля их смертности составляла 10%, в то время как в целом по стране — 15% (с. 268, 438). Также представлены причины смертности, её показатели по национальному, половому, возрастному составу и воинскому званию военнопленных. В СССР не хотели их уничтожить голодом, болезнями и непосильным трудом, как это было в фашистской Германии. С конца 1942 г. продовольственное положение этих людей постепенно улучшалось, жизни

большинства из них удалось сохранить. Смертность среди иностранных военнопленных в лагерях Севера была почти в шесть раз ниже, чем среди советских военнослужащих, оказавшихся в нацистских лагерях. При этом Кузьминых подчёркивает, что в годы войны, например, смертность среди населения Вологодской обл. составила 14% (с. 438).

В первых двух параграфах четвёртой главы рассмотрены проблемы лагерной культуры и психологии военнопленных: феномен пленобязности; структура лагерного общества; жизнь, поведение людей и формы протеста (с преобладанием пассивных, межнациональных); причины и характер их конфликтов; политическая и культурно-массовая работа с военнопленными в лагерях; советская спецпропаганда на северном участке фронта; формирование антифашистского актива; борьба с лагерным подпольем. Например, автор показывает эволюцию пропаганды в условиях войны — переход от примитивных классовых лозунгов к методам разностороннего психологического воздействия на противника. Подробно описав три периода политической работы с пленными (1939—1941, 1941—1945 и 1946—1949 гг.), Кузьминых называет и её недостатки.

В главе также представлены оперативно-следственная, контр- и разведывательная работа с пленными, формирование агентурно-осведомительной сети и вербовка закордонной агентуры, выявление и предание суду военных преступников. Особое внимание уделено взаимоотношениям военнопленных с лагерным персоналом и местным населением, в том числе с женщинами, в частности с медперсоналом (имели место случаи интимных связей, но их резко пресекали). Кузьминых также рассматривает проблемы репатриации военнопленных и

их реинтеграции в послевоенное общество. Автор пришёл к выводу, что в северных лагерях велась борьба не только за жизнь, но и за духовное возрождение бывших солдат и офицеров неприятеля. Многие из них, отказавшись от нацистской идеологии, начали лучше относиться к советским людям и стране в целом.

В заключительной главе сообщается о находившихся на Европейском Севере захоронениях военнопленных, которые несколько десятилетий оставались заброшенными, пока в 1990-х гг. не начались их поиск и благоустройство. Однако, констатирует автор, эта работа всё ещё находится на начальном этапе, и исследователям и общественным организациям предстоит многое сделать для сохранения памяти жертв Второй мировой войны.

Через лагеря (шесть из них — особого назначения) и спецгоспитали региона, подводит итоги Кузьминых, прошли свыше 85 тыс. военнопленных (1,5% их общего числа в СССР) (с. 437). Их содержали в местах, где ранее дислоцировались лагеря ГУЛАГа, либо в лагерных отделениях ИТЛ. В условиях дефицита рабочей силы военнопленные стали её поставщиками. Но возведённое в ранг государственной политики использование труда военнопленных (в отличие от заключённых) происходило в первую очередь на платных (контрагентских) работах и лишь во вторую — на объектах НКВД—МВД. Вместе с тем их труд — примитивный и малорентабельный — не требовал использования техники и механизмов, что, по мнению автора книги, задерживало модернизацию страны.

Большинство бывших вражеских солдат, находясь в плену, поменяли жизненные идеалы, начался долгий и мучительный процесс отказа от догматов нацистской идеологии. В то же время, делает вывод автор, в лагерных

бараках среди людей до окончания их плена существовало глубокое идейно-политическое размежевание. Этот процесс в годы холодной войны охватил всю Европу и расчленил её на два враждебных лагеря.

Также констатируется, что организовав на Севере работу «архипелага ГУПВИ», Советское государство решало две задачи — политическую и экономическую. Первая заключалась в идеологическом перевоспитании военнопленных и подготовке их в качестве кадров для стран социалистического лагеря, вторая — чтобы их силами как одной из категорий спецконтингента осуществлялась продуманная и долговременная стратегия освоения природных богатств региона. Прагматичный подход и далеко идущие политические планы руководства СССР оказались, по мнению автора, надёжной гарантией сохранения жизни бывших солдат и офицеров противника.

Кузьминых отвергает попытки ряда историков отождествить германскую и советскую политику в отношении военнопленных, подчёркивая, что если первая была направлена на уничтожение этих людей, то вторая — на сохранение их жизней. Автор указывает и на необходимость дальнейшего исследования заявленной темы —

не только ради научного анализа, но и во имя исторической справедливости, чтобы родные умерших знали, где покоится прах их близких.

Исследование А.Л. Кузьминых, бесспорно, уникальное. Помимо почти 40 таблиц, множества фотографий и фотодокументов, в нём имеется около 140 страниц приложений, содержащих подробные сведения о лагерях ГУПВИ, движении военнопленных и интернированных, их производственной деятельности, физическом состоянии, медобслуживании, смертности, побегах, дисциплинарных нарушениях, а также о наказаниях сотрудников лагерей.

Примечания

¹ Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.). Вологда, 2014; Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1936—1956 гг.). Вологда, 2016.

² Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорюлько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. М., 2000. С. 7, 12.

³ Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919—1953 годы. Архангельск, 2004; Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.

Любовь Сидорова

«Никогда не пытался быть героем»*

Liubov Sidorova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Never tried to be a hero»

DOI: 10.31857/S086956870004502-3

Книга профессора истории Лондонской школы экономики и политики В.М. Зубок, выполненная в жанре

научной биографии, отличается большим спектром поставленных проблем и глубиной их решения. По призна-

* Зубок В.М. Дмитрий Лихачёв: Жизнь и век. СПб.: Вита Нова, 2016. 608 с., ил.